

Фрейдлих А

ТРАВА
Москва

6 АПР 1985

1985

Кажется, что можешь все...

ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

ЭТО БЫЛА одна из встреч Алисы Фрейдлих со зрителями. Их всегда с нетерпением ждут ленинградцы. А тем гостям города, кто, подобно мне, попал на такую встречу, особенно повезло. Именно в общении со своими земляками Алиса Бруновна раскрывается как-то особенно душевно, подомашнему.

Фрейдлих — одну из популярнейших актрис театра, кино и телевидения — знают повсюду. Но всегда ли представляют истинную устремленность ее искусства? Некоторые, как шутит она сама, помнят главным образом песню «У природы нет плохой погоды...» из фильма «Служебный роман», повторенную потом в различных телепередачах. Между тем Алиса Фрейдлих рассматривает исполняемые ею песни лишь как эмоциональный камертон к тому образу, который она выстраивает на сцене либо на экране. Даже если спектакль или фильм музыкальный, — а их в творческой биографии актрисы было немало...

Актёрская судьба прихотлива и часто связана с обстоятельствами, лежащими, собственно, вне искусства. Но в жизни каждого настоящего художника наступает момент, когда его образ отшлифовывается в нашем сознании, освобождаясь от наносного, случайного. Обретает — не завершенность, нет, но словно бы просветляется, и смысл того, что сделано, становится зримым.

Может быть, сейчас, когда Алиса Фрейдлих пришла на сцену театра, руководимого Г. Товстоноговым, этот момент наступил.

В спектакле Академического Большого драматического театра по пьесе А. Володина «Киноповесть с одним антрактом» Фрейдлих играет Ирину — героиню, что никак не желает расстаться с пульсирующим в ней ощущением молодости, не хочет покориться заведенному ходу вещей. Она вся — в том взвешенном состоянии юной души, когда не изжита способность лететь и сжигать за собой мосты, и судить ближних с максимализмом семнадцати лет.

Режиссер в этой постановке словно бы и не скрывает, что весь ее мир, вся изощренность сценической игры подчинены дарованию Алисы Фрейдлих. А она в свою очередь как будто суммирует найденное в предшествующих ролях, доминантой которых была способность беззаветно любить, остро чувствовать, сострадать и через эту способность выражать не только свою женскую, но и человеческую сущность. Потому, наверное, зрители так по-разному, но всегда благодарно и объемно воспринимают этот противоречивый характер, словно ставя его в зависимость от собственного опыта, душевного состояния. Здесь и тревога: не обкрадывает ли себя героиня в своем запоздалом стремительном беге, и невольное восхищение: не в этом ли секрет обретенных ею мгновенных счастья? Пожалуй, сам возрастной, психологический тип, воплощенный Фрейдлих в спектакле, требует уточнений. Как он укоренен в сегодняшней реальности, чем социологически обоснован? Искусство актрисы расширяет пространство роли — перед нами как бы антология ее памятных лирических героинь, сыгранных еще на сцене театра имени Ленсовета, с Геленой из «Варшавской мелодии» во главе.

И зритель идет «на Фрейдлих», как шел раньше — неза-

висимо от того, на какой сценической площадке она выступала, видя за ее воплощениями нечто большее — всегда притягательный мир цельной актерской личности. Играя на сцене и в кино наших современниц, в том числе женщин деловых и активных — вспомним «Ковалеву из провинции» или тот же «Служебный роман», — актриса всегда шла в глубь характера, стремилась раскрыть пробуждение, жизнь и работу души.

Фрейдлих, кажется, доступно все: отточенное мастерство, продуманность каждого жеста оттеняют сиюминутную непосредственность переживания; знакомая вариация одного и того же женского образа неожиданно поворачивается новой гранью.

Талант всегда необъясним, непредсказуем, и все же интересно узнать, что думает сама Алиса Бруновна о природе актерского творчества вообще и своего, в частности:

— Спектакль — не что иное, как эмоциональный волнообмен между актером и залом, медички, надеюсь, когда-нибудь изучат это явление. Разные актеры работают по-разному: одни ищут отправные точки вне себя, другие — внутри. Поскольку я принадлежу ко вторым, мне всегда казалось важным разбудить в себе многие, словно бы дремлющие, живые существа. Ведь каждый из нас потенциально несет в себе множество жизней — наверное, их хранят гены или какая-то особая, тайная память. Весь вопрос в том, чтобы отыскать в себе эти дремлющие «точки» и развить их до нужных пределов. Начинающий актер должен прежде всего хорошо различать глаголы «смотреть» и «видеть», «слушать» и «слышать». Смотреть и слушать умеют все, актер же обязан видеть и слышать — себя, окружающих, свое время.

Амплуа? Помню, я окончила театральный институт с такой характеристикой: трагиста (исполнительница детских ролей) и острохарактерная актриса. Все дальнейшее зависело от умения «взрослеть», расширять свой творческий диапазон. Точно так же из многообразия возможностей, заложенных в натуре ребенка, складывается богатство характеров, присущее жизни. И еще с годами приходит чувство ответственности, которое диктует: не повторяться. Скучно самой и стыдно перед зрителями тиражировать то, что однажды имело успех. Даже в знакомом можно открыть новое. Чтобы избежать повторов, нужен неустанный самоконтроль...

Это не просто слова. Актриса улыбается чуть иронически, когда ей говорят то, что иные ее коллеги сочли бы завидным комплиментом. Например, что гостям Ленинграда советуют для знакомства с городом обязательно посмотреть спектакль с участием Алисы Фрейдлих. Да, она любимица публики, но ведь эту «роль», это право приходится утверждать заново каждой работой, каждым выходом на сцену — будь то спектакль или такая встреча,

как сегодня. Когда-то начинающей актрисой в театре имени Комиссаржевской за четыре года было сыграно более десятка ролей. За 22 года в театре имени Ленсовета — ровно двадцать две. Теперь идет непростой процесс вживания в творческую атмосферу нового для себя коллектива, где свои традиции, планы, свой ритм.

— Театр, — говорит Алиса Бруновна, — организация плановая. Хотя нет ничего труднее, чем планировать творчество. Иной спектакль рождается «с колес», другой вынашивается месяцами. Молодость горяча и менее требовательна: кажется, что ты можешь все. С годами многого начинает вы-глядеть иначе...

За внешне триумфальной, благополучной биографией — неустанные, подчас драматич-

идут новые фильмы с участием Алисы Фрейдлих. В картинах «Клетка для канареек» и «Жестокий романс» (по мотивам «Бесприданницы») она играет матерей — далеко не образцовых, эгоистичных, во многом виноватых перед своими детьми. В фильме «Успех» героиня Фрейдлих — провинциальная актриса, исполняющая роль Аркадиной в постановке чеховской «Чайки». И здесь перед нами открывается характер не слишком привлекательный сам по себе, к тому же отягощенный известными литературными ассоциациями. Но поразительным образом Фрейдлих дает ощутить стоящий за каждой из женщин мир, крупный и трепетный, находящийся словно в противоречии с тем, что диктует драматургия.

Это вовсе не значит, что актриса пытается искусственно реабилитировать своих героинь. Она утверждает собственное понимание задач искусства, которое, будучи беспощадным к злу, призвано нести людям свет надежды:

— Я вовсе не сторонница идеи всепрощения. Но воспитывать доброту, милосердие необходимо, говоря о моральных проблемах. Надо ценить людей справедливых и каждому уметь ставить себя на место другого. Прощать друг другу маленькие слабости, к себе же быть предельно строгими. Высокое искусство всегда стремилось к обобщению, оно не замыкалось в душевной безыходности частных житейских ситуаций и даже самых трагических конфликтов. Обязательно должен быть светлый контрапункт, выход душе. Речь не о том, что отрицательно героя надо непременно «уравновесить» положительным, — речь о пафосе авторской мысли. Произведения классики — даже самые критичные, трагедийные или остро сатирические — всегда возвышенны, всегда несут духовное очищение. В любом здании, возведенном средствами искусства, должно быть окно...

Эти слова Алиса Бруновна говорит уже после затянувшейся не на один час встречи. По существу это был своеобразный спектакль, в который с ходу включились зрители. Они хотели знать, что думает актриса не только о театре и кинематографе, но и о жизни, каким видит будущее своей дочери, над чем работает и о чем мечтает, знакомо ли ей чувство одиночества... Фрейдлих отвечала откровенно, но без фамильярности, иногда переводя разговор в шутку, иногда всерьез углубляясь в проблему, — и тогда присутствующие становились свидетелями ярких экспериментов. А потом в зале прозвучали стихи Цветаевой из новой программы, подготовленной актрисой. Так, с полной отдачей призывала она работать каждодневно.

А. ПЛАХОВ.
(Спец. корр. «Правды»)
г. Ленинград.

На снимке: А. Фрейдлих.

Фото А. Саакова.

ные поиски того типа искусства, который близок Фрейдлих. Ее вкус, как свидетельствует она сама, был сформирован архитектурной и живописной красотой Ленинграда, возвышенным духом, гармонией и совершенством, разлитыми, кажется, повсюду. Актриса выросла здесь, не мыслит себя без любимого города, и на ее творчестве тоже лежит печать строгой ясности и просветленности, столь характерных для его облика.

Самым сильным впечатлением ее детства была блокада («Когда-нибудь, если появится свободное время, хотела бы написать об этом»). Обычно авторы воспоминаний, взрослые очевидцы памятных событий, сосредоточиваются на его героических и драматических сторонах. А вот будущей актрисе запал в память был блокады, суровый и мудрый режим, который устроила детям их бабушка: уходя на работу, она ставила перед ними часы и наказывала съедать по кусочку драгоценного хлеба, когда стрелка дойдет до такой-то цифры... И вот что удивительно: никогда люди так не поддерживали друг друга шуткой, не были столь полны душевного здоровья и оптимизма, как в те страшные месяцы. Видно, это была своеобразная психотерапия. Но это и свидетельство неисчерпаемых резервов человеческого духа — свидетельство, столь ценное для художника...

Сейчас на экранах широко